

ВЛАДИМИР СОРОКИН

ТЕЛЛУРИЯ

Владимир Сорокин

Теллурия

роман

Издательство аст

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сорокин, Владимир.
С65 Теллурия: роман / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS,
2017. — 448 с.

ISBN 978-5-17-104270-7

Новый роман Владимира Сорокина — это взгляд на будущее Европы, которое, несмотря на разительные перемены в мире и устройстве человека, кажется очень понятным и реальным. Узнаваемое и неузнаваемое мирно соседствуют на ярком гобелене Нового средневековья, населенном псоглавцами и кентаврами, маленькими людьми и великанами, крестоносцами и православными коммунистами. У бесконечно разных больших и малых народов, заново перетасованных и разделенных на княжества, ханства, республики и королевства, есть, как и в Средние века прошлого тысячелетия, одно общее — поиск абсолютного царства Божьего на земле. Только не к Царству пресвитера Иоанна обращены теперь взоры ищущих, а к Республике Теллурии, к ее залежам волшебного металла, который приносит счастье.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104270-7

© Владимир Сорокин, 2013
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
© ООО "Издательство АСТ", 2017
Издательство CORPUS ©

• I •

— Пора трясти стены кремлевские! — Зоран сосредоточенно бродил под столом, тюкая кулачком по ладошке. — По-ра! Пор-ра!

Горан подпрыгнул, вскарабкался на лавку, сел и стал привычно покачивать ножками в стареньких сапожках. Горбоносое, низколобое, окаймленное ровной бородой лицо его излучало спокойную уверенность.

— Не трясти, а сокрушать, — произнес он. — И не стены, а головы гнилые.

— Как тыквы, как тык-вы! — Зоран ударил кулачком по ножке стола.

— Сокрушим.

Горан доказательно вытянул руку, ткнув пальцем в дымный смрад пакгауза. А там, словно по команде этого крошечного перста, двое больших, громоподобно ухнув утробами, сняли с пылающей печи стоведерный тигель расплавленного свинца

и понесли к опокам. Шаги их босых ножищ сотрясли пакгауз. На столе звякнул в подстаканнике пустой стакан человеческого размера.

Зоран стал неловко карабкаться на высокую лавку. Не прекращая болтать ногами, Горан помог ему. Зоран перелез с лавки на стол, выпрямился, подошел к краю и встал, вцепившись ручками в лацканы своего короткого пальто. Узкие глазки его впились в тигель, рыжеватые космы колыхались от доходящего сюда жара печи.

Большие поднесли тигель к опокам, наклонили. Свинец, шипя и гудя, хлынул в широкий желоб, подняв клубы серого дыма, от желоба сразу разбежались пронзительно-белые свинцовые ручейки, десятки, десятки ручейков — и заструились, закапали в опоки. Полуголые, потные большие в своих брезентовых фартуках плавно клонили тигель.

Свинец тек и растекался, исчезая в земляного цвета опоках, тек и растекался. Зоран и Горан смотрели: один — напряженно стоя на краю стола, другой — побалтывая ножками на лавке. Чудовищные мышцы на руках больших взбугрились и блестели от пота. Клубы дыма поднимались к дыре в потолке пакгауза. “На великое дело...” — подумал Зоран. “Мать сыра земля...” — вспомнил Горан.

Тигель все клонился и клонился. Казалось, этому не будет конца. Глазки Зорана заслезились. Но он не моргал и не вытирал их.

Наконец свинцовая лава иссякла. Большие с грохотом опустили тигель на каменный пол.

Зоран вытер глаза ладошками, Горан достал трубку, стал раскуривать.

— Молодцы, товарищи! — изо всех сил выкрикнул Зоран, сиюсь перекричать шум печи.

Но большие не услышали. Раздвигая своими огромными телами смрад наспех обустроенной плавильной, они двинулись в угол, взяли по ведру и стали жадно пить. Выпив ведра по три, они сняли фартуки, натянули на себя свои хламы и подошли к столу. Фигуры их загородили плавильню. Тени больших упали на Зорана и Горана.

— Мо-лод-цы! — повторил Зоран, блестя довольными глазами. Лицо его сияло даже в тени больших.

Горан, попыхивая трубкой, влез на стол, кривого подошел, встал рядом.

Большие молча протянули к маленьким свои огромные ладони с коричневатыми наростами мозолей. Горан достал из кармана куртки две сторублевых купюры и неспешно положил на каждую ладонь. Один большой сразу сжал сторублевку в кулак и сунул кулак в карман. Другой поднес купюру к лицу, сощурил и без того заплывшие глаза.

— Хорошая? — произнесли его губищи.

— Хорошая, — усмехнулся Горан, обнажая прокуренные зубы.

— Самая что ни на есть хорошая, большой това-

рищ! — приободрил его Зоран. — Спасибо тебе от трудовой Москвы!

— Мы вас еще позовем, — пыхнул дымом Горан.

Большой крикнул, убрал сторублевку. И снова протянул ладонь. Зоран и Горан уставились на нее. Большие смотрели на маленьких. Ладонь большого напомнила Зорану Россию, не так давно еще простиравшуюся от Смоленска до самых Уральских гор. Эту страну москвит Зоран видел только на изображениях. Большой словно дразнил его.

“Россию в кармане носит?” — мелькнуло в голове Зорана. “Тролли залупить решили”, — подумал Горан.

Прошло несколько мучительных секунд. Рыжие брови Зорана стали вызывающе изгибаться, рука Горана потянулась к карману. Но вдруг большие, озорно крикнув, размахнулись и хлопнули друг друга по ладоням.

Звук был оглушающ для маленьких.

Маленькие вздрогнули.

Большие рассмеялись. Смех их загрохотал в гофристой крыше пакгауза.

— Шутка? — вскинул брови Зоран.

— Шутка... — угрюмо кивнул Горан.

Большие развернулись и зашагали к двери. Подошли. Согнулись. На карачках по очереди пролезли в дверь. Дверь захлопнулась.

— Шутники, а? Хорошие ребята! — Зоран возбужденно заходил по столу, хватаясь за лацканы.

— Хорошие... — процедил Горан и вытянул из кармана куртки дорогой молниевый разрядник. — Я уж думал их подзарядить...

Он сплюнул. Рассмеялся, пройдясь своей кривоногой, словно готовящей к древнему танцу, походкой. И вдруг резко пнул одиноко стоящий стакан человеческого размера. Тот слетел со стола, теряя подстаканник, звякнул по лавке, рассыпался осколками.

— Пойдем, пойдем, глянem! — засуетился Зоран, полез вниз.

— Еще горячие. Путь остынут.

— Глянem, глянem, пока люди не пришли!

Они слезли на пол, подошли к опокам. Их было двадцать. Горану они напомнили старую капиталистическую фильму про инопланетных чудовищ, откладывающих такие вот землистые яйца-коконы. Из этих яиц потом вылуплялись какие-то неприятные твари.

Зоран подбежал к ящику с инструментом, схватился было за кувалду, но не смог ее даже сдвинуть с места. Нашел молоток, поднял над головой как знамя, побежал к опокам.

— Р-раз! — с разбега он ударил по опоке.

Отлетели кусочки.

— Р-раз! Два! Три! — Зоран бил яростно, настойчиво, как в последний раз.

“Вот так он и выступает...” — сумрачно подумал Горан, выбил трубку об опоку, стал ковырять в ней пустым теллуrowым гвоздем, вычищая.

Зоран, быстро уставший, протянул ему молоток. Горан спрятал трубку и стал бить по опоке — неспешно и сильно.

С шестого удара опока треснула, посыпалась. Внутри сверкнуло литье. Маленькие принялись ногами крушить опоку. Новое, исходящее паром литье с лязгом вывалилось на пол: четыре десятка кастетов. Горан вытянул из ящика железный прут, подцепил горячий, дымящийся кастет, поднял.

— Прекрасно! — сощурился Зоран. — Народное оружие! Правильное!

Он протянул свою ручку, растопырил пальцы, примеряясь. Кастет был предназначен для *среднего* класса, то есть для обыкновенных людей. Большому, отлившему эти кастеты, он стал бы перстнем на мизинце, маленькому, оплатившему эту отливку, кастет не пришелся бы впору даже на ногу.

— Восемьсот, — напомнил Горан.

— Это восемьсот сокрушителей! Это сила!

— Восемьсот героев, — серьезно кивнул Горан.

— Восемьсот мертвых упырей! — потрясал кулачками Зоран.

В кармане у Горана запищала умница. Отбросив прут с кастетом, он достал ее, растянул перед собой привычно резким движением, словно гармонь. В полупрозрачной умнице возникла голова средневекового витязя.

— Большие ушли, клопов нет, — доложил рыцарь.

— Люди? — спросил Горан.

— Здесь.

— Пятерками.

— Понял.

Горан убрал умницу. Зоран, вцепившись в свое пальто, нетерпеливо заходил вокруг пустого тигля. Горан достал трубку, подпрыгнул, сел на опоку.

“И жопу погрееет...” — подумал он и, набивая трубку, спросил:

— Вторую отливку... когда?

— Накануне! — Зоран шлепнул ладошкой по тигелю. — На-ка-нуне!

— Вождю виднее, — кивнул Горан.

Через двадцать три минуты в дверь без стука вошли пятеро людей пролетарского вида с сумками и рюкзаками.

• II •

My sweet, most venerable boy,
вот я и в Московии. Все произошло быстрее и проще обычного. Впрочем, говорят, въехать в это государство гораздо легче, чем выехать из него. В этом, так сказать, метафизика этого места. Но к черту! Мне надоело жить слухами и догадками. Мы, *радикальные* европейцы, предвзяты и насторожены к экзотическим странам лишь до момента проникновения. Проще говоря — до интимной близости. Которая у меня уже произошла. Поздравь старого тапира! Да. Прелестный шестнадцатилетний *moskovit* сегодня ночью стал теми самыми *узкими* вратами, через которые я вошел в местную метафизику. После этой ночи я многое узнал о московской этике и эстетике. Все вполне цивилизно, хоть и не без дичи: парень, например, перед нашей близостью повесил полотенцами оба зеркала в моем номере, погасил свет и затеплил свечку. Которую при-

нес с собой. Я же (не сердись) позволил подкрепить свои усилия теллуrom. А утром услышал (и подсмотрел), как прелестный *Fedenka* продолжительно молился в ванной комнате, стоя на коленях перед маленькой раскладной иконкой, отлитой из меди (*skladen*), которую он водрузил в углу душевой кабины на полочку вместо шампуня. Это было трогательно до такой степени, что, наблюдая в щель этого коленопреклоненного Адониса, одетого в одни лишь клетчатые трусики, я неожиданно возжелал. Что случается со мной по утрам, как ты хорошо знаешь, крайне редко! Не дождавшись окончания молитвы, я вломился в ванную, обнажил престол моего наложника и проник в его глубины своим требовательным языком, вызвав удивленный возглас. Дальнейшее представимо... Скажу тебе вполне искренне, мой друг, это прекрасно, когда день начинается с молитвы. Такие дни почти всегда удаются и запечатлеваются в памяти. И мой первый день в Московском государстве не стал исключением. Расплатившись с кареглазым *Fedenka* (3 рубля за ночь + 1 рубль за утро = 42 фунта), я довольно сносно позавтракал в моем недорогом отеле *Slavyanka* (чай из *samovar*, *sirniki* со сметаной, *kisel*, булки, мед) и отправился на прогулку. Погода удалась — ясно, солнечно, свежо. В столице Московии стоит ядреный октябрь, на немногочисленных деревьях еще желтеют листья. Ты знаешь, я не любитель достопримечательностей как таковых и нико-

гда не был туристом. Твой друг любит все пробовать на язык (не хмыкай, циник!), не доверяя вкусу толпы. На первый вкус Москва мне не очень понравилась: сочетание приторности, нечистоплотности, технологичности, идеологичности (коммунизм + православие) и провинциальной затхлости. Город кишит рекламой, машинами, лошадьми и нищими. Если говорить гастрономически, Москва — это *okroshka*. Особая тема — воздух. В Москве на газе и электричестве ездят только государственные мужи и богатеи. Простой народ и общественный транспорт обходится биологическим топливом. В основном это картофельная пульпа, благо картофелем со времен Екатерины II Московия не обеднела. Собственно, этот картофельный выхлоп и сообщает тамошнему воздуху приторно-затхлый привкус, распространяющийся на все вокруг. И когда пробуешь на язык главные московские блюда — Кремль, Большой театр, собор Василия Блаженного, Царь-пушку, — этот не очень, скажем, аппетитный соус портит картину и оставляет неаппетитное послевкусие. Но, повторяю, это только в первый день. На второй я уже привык, как привык к воню Каира, Мадраса, Венеции, Нью-Йорка, Бухареста. Увы, дело не в запахе. Просто Москва — странный город. Да, странный город со своей неповторимой странностью. И меньше всего его хочется назвать столицей. Это трудно объяснить тебе, никогда здесь не бывавшему и вполне равнодушному к местной истории.

Но я все-таки попытаюсь, благо сейчас у меня еще полтора часа до приезда картофельного такси, должного увезти меня в аэропорт Внуково. Итак, смысла нет рыться в дореволюционной истории Российской империи, являвшей миру азиатско-византийскую деспотию в сочетании с неприлично безразмерной колониальной географией, суровым климатом и покорным населением, большая часть которого вела рабский образ жизни. Гораздо интереснее век двадцатый, начавшийся с мировой войны, во время которой монархический колосс России зашатался, затем вполне естественно накатила буржуазная революция, после чего он стал валиться навзничь. Вернее — она. Россия — женского рода. Имперское сердце ее остановилось. Если бы она, эта прекрасно-беспощадная великанша в алмазной диадеме и снежной мантии, благополучно рухнула в феврале 1917-го и развалилась на несколько государств человеческого размера, все оказалось бы вполне в духе новейшей истории, а народы, удерживаемые царской властью, обрели бы наконец свою постимперскую национальную идентичность и зажили свободно. Но все пошло по-другому. Великанше не дала упасть партия большевиков, компенсирующая свою малочисленность звериной хваткой и неистощимой социальной активностью. Совершив ночной переворот в Санкт-Петербурге, они подхватили падающий труп империи у самой земли. Я так и вижу Ленина и Троцкого в виде малень-

ких кариатид, с яростным кряхтением поддерживающих мертвую красавицу. Несмотря на “лютую ненависть” к царскому режиму, большевики оказались стихийными неоимпериалистами: после выигранной ими гражданской войны труп переименовали в СССР — деспотическое государство с централизованным управлением и жесткой идеологией. Как и положено империи, оно стало расширяться, захватывая новые земли. Но чистым империалистом новой формации оказался Сталин. Он не стал кариатидой, а просто решил поднять имперский труп. Это называлось *kollektivizacia + industrializacia*. За десять лет он сделал это, поднимая великаншу по методу древних цивилизаций, когда под воздвигаемое изваяние последовательно подкладывались камни. Вместо камней Сталин подкладывал тела граждан СССР. В результате имперский труп занял вертикальное положение. Затем его подкрасили, подрумянили и подморозили. Холодильник сталинского режима работал исправно. Но, как известно, техника не вечно служит нам, вспомни твой прекрасный красный BMW. Со смертью Сталина началось размораживание трупа. С грехом пополам холодильник починили, но ненадолго. Наконец тела нашей красавицы оттаяли окончательно, и она снова стала заваливаться. Уже поднимались новые руки и постсоветские империалисты были готовы превратиться в кариатид. Но здесь наконец к власти пришла мудрая команда во главе с невзрачным

на первый взгляд человеком. Он оказался великим либералом и психотерапевтом. На протяжении полутора десятка лет, непрерывно говоря о возрождении империи, этот тихий труженик распада практически делал все, чтобы труп благополучно завалился. Так и произошло. После чего в распавшихся кусках красавицы затеплилась другая жизнь. Так вот я, my dear Todd, нахожусь сейчас в Москве — бывшей голове великанши. После постимперского распада Москва прошла через многое: голод, новая монархия + кровавая *oprichnina*, сословия, конституция, МКП, парламент. Если попытаться определить нынешний режим государства Московии, то я бы назвал его просвещенным теократокоммунофеодализмом. Каждому свое... Но я пустился в этот исторический экскурс лишь затем, чтобы попытаться объяснить тебе странную странность этого города. Вообрази, что ты, заброшенный провидением на остров великанов, застигнут непогодой и вынужден переночевать в черепе давно усопшего гиганта. Промокший и продрогший, ты забираешься в него через глазницу и засыпаешь под костяным куполом. Легко представить, что сон твой будет наполнен необычными сновидениями не без героического (или ипохондрического) гигантизма. Собственно, Москва — это и есть череп империи русских, а странная странность ее заключена в тех самых призраках прошлого, кои мы именуем “имперскими снами”. Вдобавок они еще пропитаны

картофельным выхлопом. Сны, сны... Россия во все времена вела спящий образ жизни, пробуждаясь ненадолго по воле заговорщиков, бунтарей или революционеров. Войны тоже долго не мучили ее бессонницей. Почесавшись со сна в беспокойных местах своего тела, великанша заворачивалась в снега и засыпала снова. Храп ее сотрясал дальние губернии, и тамошние чиновники тоже тряслись, ожидая грозного столичного ревизора. Она любила и умела видеть цветные сны. А вот реальность ее была сероватой: хмурое небо, снега, дым отечества вперемешку с метелью, песня ямщика, везущего осетров или декабристов... Похоже, просыпалась Россия всегда в скверном настроении с головной московской болью. Москва болела и требовала немецкого аспирина. И все-таки в этом городе при всей его пафосно-государственной неказистости есть своя прелесть. Это прелесть сна давно умершего великого государства, который вдруг приснился тебе. И вот она-то как раз трудноописуема, так как русский государственный сон имеет свой неповторимый... и т.д. Поэтому я не буду более тратить твое внимание и энергию своих подагрических пальцев, а по приезде постараюсь рассказать и *показать* тебе если и не всю Москву, то хотя бы *Tsarpushka*. В нашей заслуженной постели. В общем, я доволен поездкой. В мой старый фамильный глобус можно воткнуть очередную булавку. Зимой слетаем с тобой к сладеньким вьетнамским пупсикам.

А по весне навестим послевоенную Европу. Перед приездом такси я еще успею выкурить *papirrosa* и выпить немного русской клюквенной водки.

До встречи в *родном* неоимперском черепе, полном мозгового тумана и англосаксонской трезвости.

Yours,

Leo